

СВОБОДНАЯ ТРИБУНА (МАТЕРИАЛЫ ФОРУМА, ПОСВЯЩЁННОГО ПРАЗДНОВАНИЮ ДНЯ СОЦИОЛОГА. ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ РАН, 16 НОЯБРЯ 2015 Г., МОСКВА)

16 ноября 2015 г. в Институте социологии РАН состоялся форум «Свободная трибуна», посвящённый профессиональному празднику – Дню социолога, который отмечается в РФ на протяжении более двадцати лет 14 ноября. Форум стал первым опытом неформального обсуждения проблем, важных для профессионального социологического сообщества. К дискуссии предлагался следующий перечень актуальных вопросов:

1. Переживает ли российская социология кризис доверия? Доверяет ли социологии российское общество, российская власть?
2. Способствует ли авторитету социологической науки в обществе то, что она становится более публичной?
3. Есть ли предел прогностическим возможностям социологии? Какие прогнозы и на какой период способна давать социологическая наука?
4. Каковы перспективы социологии в России? Как изменится роль социологии в обществе через пять, десять лет?
5. Каково место социологии в междисциплинарных исследованиях? Есть ли у таких исследований реальная перспектива?

Открыл форум директор ИС РАН, академик М. К. Горшков.

Горшков Михаил Константинович
Директор ИС РАН, академик

Уважаемые коллеги! Как вы все знаете, традиция празднования Дня социолога была заложена в 1994 г. Санкт-Петербургским государственным университетом. За истекшие годы профессиональный праздник отмечался на разных уровнях: и в стенах Российской академии наук, и в региональных научных центрах, например в Институте социально-экономического развития территорий (ИСЭРТ) РАН в Вологде. Сегодняшний формат проведения нашего профессионального праздника в некотором смысле новаторский. Я полагаю, что подобная форма обсуждения наиболее значимых проблем социологической науки более актуальна, поскольку в профессиональном сообществе имеется явный дефицит именно неформального общения.

Предлагаю начать дискуссию и передаю слово заместителю директора ИС РАН по научной работе, доктору социологических наук, профессору М. Ф. Чернышу.

Черныш Михаил Фёдорович

Заместитель директора ИС РАН по научной работе,
доктор социологических наук, профессор

Уважаемые коллеги! Форум «Свободная трибуна», который мы проводим впервые, предоставляет всем нам хорошую возможность для того, чтобы сосредоточиться на вопросах, волнующих нас более всего, порефлексировать над самыми острыми проблемами и «болевыми точками» современной социологии. Одной из таких, на мой взгляд, является кризис доверия социологии в публичной сфере. В обществе наблюдаются попытки разделить социологию по идейным сегментам, подвергается сомнению сам метод социологической науки, само её поле, социологию всё больше отождествляют с исследованиями общественного мнения. Более того, обществу навязывается суждение, что социология в принципе не может располагать достоверной информацией, а в арсенале у неё — только артефакты.

Данные проблемы порождены отсутствием или, вернее, кризисом институционализации социологии, характерным не только для России, но и для других стран, ряд из которых (как, например, Япония) даже выступают за отмену социальных наук в целом. На мой взгляд, это связано с тем, что в обществе нарастает настроение нетерпимости по отношению к общественным наукам, поскольку в современном своём состоянии социум требует от социологов неких «конечных форм», которые ни одна фундаментальная, серьёзная наука (в том числе и наша) никогда дать не сможет. А обществу нужны именно «конечные формы», решительные выводы по поводу того, что в нём происходит и инструкции, консультирующие, что необходимо делать. Эти, а, возможно, и другие вопросы я предлагаю сегодня обсудить и предоставляю слово нашим уважаемым коллегам.

Яницкий Олег Николаевич

Доктор философских наук, профессор

Уважаемые коллеги! Не так давно Папа Римский сказал, что началась Третья мировая война. Я хотел бы сузить эту тематику. Мы очень много изучаем сегодня разные сетевые системы, но современная война в той форме, в которой она ведётся, это всеобщий или глобальный риск, о чём уже более четверти века твердят европейские, американские и российские социологи. И на первом месте стоит война сетевая. В чём же она проявляется? Почему я говорю про всепроникающий риск? Эти риски осуществляются малыми мобильными группами. Это малая форма *guerilla* (гериллы), т. е. партизанской войны, как в своё время её называли. Данный риск имеет мультиплицирующий эффект. Вот недавно десять террористов во Франции «поставили на уши весь мир»: пострадали сто человек, но озабочен этим весь мир. Это есть война на уничтожение или запугивание, которая ведётся безо всяких фронтов. Сегодня эти «фронты» — уже внутри каждой организации, каждой социальной ячейки, внутри каждого из нас.

Ответы на подобные риски пока что идут в традиционном ключе. Это очень важная проблема, и тут я согласен с М. Ф. Чернышом: если социология в чём-то и виновата, то в том, что она отстаёт от развития событий или течения того, что происходит в мире. Но социологов не слышат ни политики, ни простые граждане! В СМИ ведутся постоянные дискуссии о том, на какую долю процента сегодня упали или выросли биржевые индексы. При этом отсутствует понимание того, что тотальный риск может вообще обрушить и эти, и другие социальные институты рынка. Все, кто только может, проводят массовые опросы, но получаемые таким образом сиюминутные данные не могут ни объяснить, ни помочь в борьбе с тотальным риском, коим является глобальный терроризм.

Ситуация, которая произошла во Франции, показала абсолютную беспомощность и, я бы сказал, непрофессионализм французского политического истеблишмента. Печальный опыт Франции и других стран ЕС показывает, что тотальный риск уже «здесь». Но как мы боремся с сетевой опасностью? На мой взгляд, если сетевая война против нас — это тотальная угроза, значит, она не может быть ограничена усилиями специальных служб. С конкретными террористами не разговаривают — их уничтожают. А вот почему в исторически короткий срок возникла столь мощная сетевая угроза как ИГИЛ — этот вопрос учёным всех дисциплин надо всесторонне обсуждать, в том числе с бывшими лидерами и рядовыми участниками данного радикального движения. Ведь уничтожив один, сотню, сто тысяч отдельных вирусов, эпидемиологи не уничтожают опасность. Только поняв её природу и разработав новое «лекарство» (вкуче с другими мерами защиты) можно победить эпидемию.

Почему социологов не слышат? А потому, что такие тотальные риски есть форма скрытой гибридной войны как одного из инструментов борьбы за мировое господство и средство увеличения капитала. Вспомним Афганистан, Ирак, Ливию, Тунис и т. д. Результат — хаос или «управляемый хаос» и одновременно пополнение рядов радикальных террористических систем. Государство превращается в «территорию». Или наши партнёры ждут ещё одного «9/11»? Пока что Европа реагирует стандартно: проверить, усилить, ужесточить, ограничить. Или, как показали недавние события, просто откупиться деньгами, чтобы ограничить приток мигрантов. Возможно, всё это необходимо, но и они, и мы должны смотреть вперед. Нужны не только обычные, но и экстраординарные шаги и опережающие действия.

Что же делать нам, российским социологам? Я могу предложить программу из десяти пунктов. *Во-первых*, взять курс на глубокое и всестороннее изучение феномена сетевой войны. Судя по публи-

кациям в наших профильных журналах, подобных исследований нет, или они недостаточны. Сетевая война – это точечная война, что и произошло в ночь на 14 ноября 2015 г. в Париже. Значит, исследование «точек» так же важно, как и изучение соединяющих их сетей. *Во-вторых*, понять, что современный терроризм – глоболокальная проблема, следовательно, необходимо глубже изучать как её общие закономерности, так и специфику применительно к российскому обществу. Глобализация, как выяснилось, имеет свою «тёмную сторону»: процессы дезинтеграции, силовые разрушительные действия с последующим выделением «энергии распада» (потоки беженцев, вынужденных переселенцев, и, как видно сейчас, террористов). Во всяком случае, эйфория по поводу благ глобализации у наших западных коллег давно прошла. *В-третьих*, у тотального риска есть глубокие экономические, политические, социальные и другие корни. Следовательно, пора преодолеть «предметный» (отраслевой) подход: перед нами острая комплексная проблема, значит, и подход к её постижению должен быть проблемным, то есть междисциплинарным. Однако даже наши ближайшие коллеги, политологи, пока что не очень озабочены проблемой глобальных рисков. А социологи не торопятся изучать данную проблему как «вызов цивилизации», как её квалифицировал Президент В. В. Путин. Социологических исследований, ориентированных на изучение цивилизационных процессов, практически нет. *В-четвёртых*, все террористы, устроившие теракт на Дубровке, в Беслане и на других территориях РФ были уничтожены. Но как тогда можно понять их глубинные или же, напротив, извне инспирированные мотивы? Разумеется, соответствующие службы работают скрытно. Но как готовить общество к новой ситуации? – это уже вопрос к нам, социологам. И на него я пока не вижу ответа. *В-пятых*, современные теракты явно рассчитаны на устрашающий медийный эффект. Значит, наиболее вероятными их целями будут большие города и их инфраструктуры (метро, аэропорты, вокзалы, системы водоснабжения и т. д.). Обратная сторона той же медали – в больших городах гораздо легче спрятаться, затеряться. А не пора ли нам жёстче регулировать приток мигрантов в большие города? *В-шестых*, террористы наносят удары везде, но, прежде всего, по тем странам, которые ведут с ними борьбу, то есть с теми, где существуют активные очаги сопротивления террористической угрозе. Террористы предупреждают о будущих терактах одни страны и диктуют условия их прекращения другим. Так что ответ политиков сегодня не менее важен, чем реакция социологов. *В-седьмых*, тотальная сетевая война уже ведётся «здесь и сейчас». Поэтому прогнозы в данной сфере бытия должны быть одновременно и долгосрочными, и краткосрочными. За прошедшие 25 лет социальное прогнозирование в системе отечественного научного знания практически исчезло, а о реакции общества на сетевые войны мы вообще никогда не задумывались. *В-девятых*, у общества и власти пока нет запроса на подобные исследования, «большие гранты» адресуются другим направлениям. Поэтому и нет коллективов, способных быстро развернуть исследования тотальных сетевых рисков. Наконец, *десятое* – это «гражданская

оборона». Многие социологи, с которыми я разговаривал, вообще не имеют понятия, что это такое. Организация системы такой обороны — дело не только одного, даже очень мощного, министерства. Рискну утверждать, что сегодня гражданская оборона есть дело также общественное, то есть гражданское в прямом смысле слова. Важный аспект гражданской обороны — психологическая адаптация населения к случившемуся. Интересное различие реакций ТВ и СМИ в Европе. Если первый источник заполнен “breaking news”, то, по сообщению российских корреспондентов, большинство британских газет стремится «разговаривать» со своими читателями, чтобы уменьшить их шок от случившегося.

Сегодня в России сложилась достаточно сильная сеть волонтеров. А вот некоторым социальным сетям стоило бы переориентироваться с подсчёта бесконечных «лайков» на дискуссии по более содержательным вопросам. В них ведущая роль должна принадлежать крупным социально-ориентированным гражданским организациям. Несмотря на жёсткие меры против «иностранных» и «нежелательных» агентов, многие гражданские организации стали профессионально-гражданскими и вышли на публичную арену (см., например, программу «Право голоса» на ТВ). Победить зло терроризма без участия сил гражданского общества невозможно. Спасибо за внимание!

Данилова Елена Николаевна

Кандидат социологических наук,

член Исполкома Европейской социологической ассоциации

Дорогие коллеги! Я бы хотела поговорить не столько о социологии в России, сколько о социологии в европейском контексте; сравнить ситуацию в данной области в родном Отечестве, с тем, что происходит в Европе.

«Стоны» о том, что социология утрачивает свой статус, в общем-то, раздаются давно, появляясь в обсуждениях на конференциях и страницах профессиональных журналов. Важно посмотреть, что происходит в последние годы в институциональном и структурном состоянии образования, департаментов социологии университетов, социологических исследований и научных центров в Европе. Прежде всего, это касается сокращения финансирования. Проводимая в годы последнего кризиса в европейских странах политика экономии, «austerity policy» сказывается не только на ухудшении положения граждан, прежде всего, молодых, но и на сокращении государственных расходов на образование, включая и высшее. Университеты и школы получают всё меньше финансовых ресурсов как от государства, так и от населения, и фондов. Конечно,

в разных странах дела обстоят по-разному – с 2008 г., по данным европейской ассоциации университетов, от более 50% сокращения финансирования в Греции, более 30% в Великобритании до 20–25% в Германии и Швеции, например.

Ещё один важный тренд в Европе – переориентация приоритетов в исследовательских областях. Уже несколько лет согласно политике Еврокомиссии приоритеты отдаются естественным наукам, так называемым, наукам о земле. Науки о земле занимают доминирующие позиции в различных фондах, финансирующих европейскую науку, в Программах Европейской комиссии и отдельных стран Евросоюза. Что касается социальных и гуманитарных наук, то их роль видится в том, что они являются вспомогательными, а точнее встроены (embedded) в исследовательское поле естественных наук, например, что касается экологии, климата, энергии, биотехнологий, здоровья и т. п. Исследовательское поле социальных наук очерчено определёнными приоритетными направлениями, например такими, как “Horizon 2020”, под которые выделено финансирование. Как правило, претендовать на это финансирование могут большие совместные международные и междисциплинарные коллективы, объединяющие усилия разных университетов и научных центров. При этом общее финансирование самих социальных наук сокращается. Например, по оценкам европейских экспертов, по сравнению с 2007 г. на 40% уменьшилось финансирование социальных наук.

Далее. В условиях сжимающегося финансирования растёт конкуренция, происходит реформирование и реструктуризация институтов образования и научных центров. В этом ключе возрастает важность оценочных показателей деятельности университетов и их работников. Здесь проявление так называемого глобализирующего фактора видно в том, что мы встроены в единую систему оценок нашей деятельности, в том числе и публикаций, оценок журналов, оценок университетов. Оценочная система напрямую связана с выделением финансирования на исследования. Этот процесс идёт повсеместно, Россия подключилась к нему довольно активно в последние годы. Всем хорошо известны рейтинговые системы университетов и журналов, а на индивидуальном уровне и значимость в оценках англоязычных публикаций и журналов. Многие эксперты связывают этот процесс и с усилением доминирования англосаксонской модели.

Таким образом, на фоне происходящих изменений место социологии и других социальных наук не признаётся сейчас приоритетным. В европейском дискурсе часто слышатся мнения о том, что социология отошла на периферию наук и в каком-то смысле маргинализировалась. Это подтверждают тревожные названия разного рода конференций, симпозиумов, форумов, целью которых является попытка понять, что происходит в науке, попытка заявить о своём статусе, о том, что социология может понимать общественную жизнь и предлагать профессиональную экспертизу.

Собственно, это один из поводов для размышлений о схожести или различиях процессов в России и Европе.

С другой стороны – что делать в данной ситуации социологии? Что она может предложить? Одной из идей как повысить статус социологии и привлечь к ней внимание был известный проект Майкла Буравого о публичной социо-

логии, который несколько лет назад встал на повестку обсуждений сначала американской, а потом многих других социологических ассоциаций и сообществ. Однако необходимо помнить, что сам Майкл Буравой – представитель американской системы университетов, которая в корне отличается от европейской и, тем более, российской. Американская система университетов достаточно автономна и автаркична, и научные сообщества в американских университетах живут не столько на деньги государства (хотя в завуалированном виде они имеют место), сколько на деньги населения, а также бесконечного количества эндаумент-фондов и частного капитала. По сути дела, американская социология не является публичной и, собственно, нет потребности в её публичности. Американская социология имеет прекрасные профессиональные журналы и прекрасную профессиональную ассоциацию, и, можно сказать, «варится в собственном профессиональном соку». Трудно представить себе политические дебаты или высокую вовлечённость американских социологов в работу общественных и государственных органов, связанных с политической или иной актуальной повесткой, хотя такое и бывает. Но, в целом, американские социологи практически не влияют на общественную и государственную повестку Америки. И, напротив, проект Майкла Буравого был воспринят с существенно большим энтузиазмом в европейских странах, причём, прежде всего, в восточно-европейских. И, естественно, в России. Парадоксально, но именно там, где уже был опыт публичной социологии. Например, если вспомнить, в конце 1980х – 1990-е годы в рамках экономических и социологических дебатов был сформулирован тезис о перестройке, об изменениях и т. д. Мы знали своих коллег, которые открыто выступали и выступают на различных общественных площадках, в масс-медиа, телевизионных передачах, работали среди депутатов. То же самое можно сказать, например, о Польше, Эстонии, Венгрии и других постсоциалистических странах, где социологи стояли у истоков изменений ещё 25 лет назад. Именно в развивающихся странах и странах Восточной и Центральной Европы, так называемых «транзитных» странах, в которых происходят социальные трансформации, роль социологов наиболее весома в публичном пространстве. Социологи и сейчас работают в общественных организациях, выступают экспертами по социальным проблемам и в масс-медиа.

В целом – это совершенно иная картина, или модель, отличающаяся от американской, более нацеленной на профессионализацию отрасли, чем на публичную сферу. Это ещё один повод посмотреть на сходства и различия роли социологии в публичном пространстве в разных странах.

В последние годы дискурс публичной социологии важен для европейцев. Кризис также острее ощущался во многих странах Европы. Сегодня, во времена, когда финансирование социальных наук действительно снижается, нарастает конкуренция с другими дисциплинами, обостряется и вопрос о роли социологии. Можно заметить две тенденции последнего времени. С одной стороны, говорится, что социология становится обслуживающей глобализующие проекты наукой. С другой стороны, социология становится всё ближе к социальной работе, к практике, к прикладным исследованиям в узких профессиональных областях. Иными словами, интеллектуальная повестка дня задаётся не социологами. Отличается, может быть, лишь Франция, интеллектуальные традиции которой весьма высоки и признаваемы всем обществом, в том числе и политическим истеблишментом.

А что же может российская социология? Я думаю, что одним из направлений нашей работы остаётся публичная социология. Мы в России много говорим о публичной социологии. Но мы также должны понимать, что помимо вынесения различного рода вопросов на общественное обсуждение, необходимо каким-то образом влиять и на политическую и интеллектуальную повестку. И в связи с этим мне хотелось бы сказать, что в России складывается несколько иная ситуация. Связь социологии с государственной властью в России сильнее, чем, допустим, в европейских странах. Так сложилось. Здесь таится, соответственно, и опасность. Роль социологии в данном поле — быть независимым медиатором между государством и обществом. Возможно, есть и небольшие возможности для влияния на повестку. Но при этом, ещё более важной задачей является профессионализация социологии в России. В заключение хотелось бы сказать, что социология имеет для этого ключевые основания и преимущества: социологическое мышление и социологическое воображение. Можно добавить и критический подход. Это составляет основу теории, основу особого социологического взгляда на те вопросы и проблемы, с которыми мы всё больше и больше начинаем сталкиваться, вплоть до тех вопросов, которые поднимал Олег Николаевич. Спасибо.

Дробижева Леокадия Михайловна

Доктор исторических наук, руководитель Центра исследования межнациональных отношений, член Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям

Уважаемые коллеги! Во-первых, я хотела выразить своё удовольствие в связи с тем, что, наконец, после долгого перерыва мы собрались для обсуждения общественно значимых социологических проблем. В 1990-годы в таком же зале собирались социологи и обсуждали важнейшие проблемы, связанные с переустройством нашего общества. Здесь собиралось, действительно, такое сообщество, куда приезжали и из Прибалтики, и из Татарстана, и с Кавказа, и из Закавказья. И это было, действительно, общественным вкладом социологов в непростую ситуацию того времени. Мы и сейчас живём в непростой ситуации. Поэтому то, что мы здесь сегодня собрались — отрадно. Во-вторых, я не совсем

согласна с Еленой Николаевной. Я, возможно, не так хорошо, как она, знаю зарубежную социологию, но я хорошо знаю, что плач о том, что социология не услышана властью, не обществом, а именно властью, идёт давно. В начале 2000-х годов я была в Лондоне, в семье Энтони Гидденса, и в этой семье очень сильно плакались, что да, нас не слышат. Но сам Гидденс в это время работал в британском правительстве. В 1990-е гг. и в 2000-х гг. в США результаты наших, российских, исследований обсуждались на площадках Стэнфордского университета, где присутствовали Кондолиза Райс, Майкл Макфол. Поэтому говорить о том, что в мировом пространстве социология не участвует в формировании повестки дня или, во всяком случае, в оценке повестки дня – с этим мне трудно согласиться.

Теперь о том, как социология влияет на политическую повестку в России. Я работаю только в одном совете, а из Института социологии несколько человек работают в президентских советах. Могу сказать только о том совете, в котором работаю. Прошло пять заседаний Совета, и в трёх из них повестка дня формировалась нами в очень жестокой борьбе. Потому что для того, чтобы поставить какой-то вопрос на обсуждение, нужно отстоять своё мнение, и это не всегда просто. Я приведу только один пример, он и сейчас ещё не решён. Часто обсуждаются вопросы о том, что нужно вынести на повестку дня вопрос о русских. Почему? Потому что артикулируется недовольство. Почему среди русских порой недовольство больше, чем среди других? Как откликнуться на это? Должны ли мы откликнуться, открыто поставить этот вопрос или нет? Поставить открыто – вроде бы дать в руки материал националистам. А не поставить – значит, вообще только они и будут об этом говорить. Как быть в сложившейся ситуации? И социологи разных школ и направлений по-разному влияют и пытаются высказать своё мнение. И тогда начинаются поиски консенсусного решения, например, начинаем говорить о культуре российской, а в то же время показываем, что ядро культуры в российском пространстве – это русский язык и история культуры. Но это очень непросто – я открыто об этом должна сказать в нашем сообществе. И таких проблем не одна, их много.

Следующий вопрос, который я хотела вынести на обсуждение, тоже очень большой. Это вопрос о междисциплинарности. В. А. Ядов в своих лекциях всегда говорил, что одной из черт социологического исследования является междисциплинарность. Есть специальные темы, которые мы так и называем – междисциплинарные. И вот мой вопрос для обсуждения – должны ли мы так именовать их в социологии или это всё-таки просто социологические исследования, которые включают такой компонент анализа. Объясняю, почему ставлю вопрос об этом. Потому что, когда мы называем тему, как междисциплинар-

ную, мы попадаем в трудные условия. Не всегда понятно, по какой дисциплине её выпускать на защиту. Если мы выходим в ВАК, то в ВАКе всегда говорят: «А, она на политологию тянет!» или: «Она на культурологию тянет!». К ней всегда больше претензий с разных дисциплинарных подходов. Если брать междисциплинарную тему по методам, то опять непонятно, какое содержание наполняется в тот или другой метод. Приведу пример из своей области. Например, этнометодология. Этнометодология у социологов имеет другой смысл в сравнении с этнометодологией у этнологов. Вот те «жернова», в которые попадают все междисциплинарники. Поэтому я думаю, что, эта тема нуждалась бы в обсуждении. Спасибо за внимание.

В работе форума «Свободная трибуна» принимали участие сотрудники Башкирского филиала ИС РАН.

Лавренюк Наталья Михайловна

Кандидат социологических наук,

старший научный сотрудник Башкирского филиала ИС РАН

Добрый день, уважаемые коллеги! Очень интересно участвовать в таком формате, и хотелось бы сказать следующее. Наш регион – республика Башкортостан и типичен, и своеобразен, и социологические процессы, наверное, и типичны и, в каком-то отношении, особенны. Хочу сказать, что современное состояние социологии в Республике Башкортостан характеризуется теми тенденциями, которые ведут и к определённым ограничениям, и к новым возможностям. Среди ограничений – сокращение подготовки социологов по ВУЗу. У нас сокращаются бюджетные места в аспирантуре, закрыты два диссертационных совета, идёт объединение кафедр. Идёт реформация или реорганизация основного института, на базе которого проходят социологические исследования – Института социально-политических и правовых исследований. Но в то же время хочу отметить, что на базе этого института создаётся новый – Институт стратегических исследований, что предоставляет нам ряд новых возможностей. Так, во исполнение Закона о стратегическом планировании № 172 ФЗ Башкирский филиал ИС РАН активно участвовал в части разработки стратегии социально-экономического развития Республики Башкортостан. На данный момент завершён этап стратегического анализа, и мы приступаем к стратегическому синтезу. Именно в этом, наверное, есть свои плюсы. Социология в регионе – это не только аналитика, она востребована властью. Мы, в свою очередь, пытаемся дать слово всем жителям республики в качестве респондентов, для того, чтобы они были услышаны, их мнение было учтено в этой стратегии социально-экономического развития до 2030-го года. Об этом исследовании несколько слов попрошу сказать свою коллегу, Ягафарову Дилару Гафуровну, научного сотрудника Института социально-политических и правовых исследований Республики Башкортостан.

Ягафарова Дилара Гафуровна

Научный сотрудник Института социально-политических
и правовых исследований Республики Башкортостан

Добрый день, уважаемые коллеги! Институтом социально-политических и правовых исследований было организовано социологическое исследование, общий объём выборки которого составил 6300 человек. В Республике Башкортостан столь масштабное исследование проведено впервые. Была построена модель стратифицированной выборки с квотированием на этапе отбора по полу и возрасту. Кроме этого, в построении модели выборки были учтены территориально-поселенческие характеристики исследуемой совокупности, на основе которых были сформированы страты по социально-поселенческим типам. С учётом особенностей регионально-экономических условий, ресурсов, уровня территориальной концентрации производства в республике выделяется семь социально-экономических зон, которые все попали в выборку. Таким образом, исследование проходило во всех городах, во всех городских поселениях республики и также были организованы исследования во всех муниципальных районах нашей республики.

Предварительные результаты уже очень интересные. Хочу сказать, что уникальный опыт заключается в том, что ежедневно вместе с вузовской наукой работали члены правительства из Министерства экономического развития; были очень интересно реализованы междисциплинарные связи. Второй этап стратегического синтеза предполагается реализовать вместе с коллегами из Сколково. Надеюсь, что опыт и полезные уроки мы извлечём и поделимся ими в последующих встречах. Спасибо большое за внимание.

Петухов Владимир Васильевич

Кандидат философских наук,
руководитель Центра комплексных социальных исследований ИС РАН

Уважаемые коллеги! Меня очень порадовала настоящая дискуссия. Несколько комментариев по обсуждаемым сегодня проблемам. Во-первых, поднимался вопрос о возникшем в последнее время в обществе, да и во властных структурах, недоверии, скепсисе в отношении и исследований, и социологов как таковых. Особенно остро проявилось это во время московских выборов. Мне кажется, здесь мы должны отдавать себе отчёт в том, что неприязненное отношение к социологии у значительной части политического класса на самом деле маскирует очень сложное и, мягко говоря, неоднозначное отношение к российскому обществу. Исследования часто показывают «картинку»,

которая многим не нравится, которая вызывает массу вопросов и недоумений. Но поскольку напрямую сказать, что наше общество им не по душе нельзя, то претензии предъявляются к зеркалу, а не к предмету, который в этом зеркале отражается. И здесь, отчасти, и наша вина. Дело в том, что многие респонденты в последние пару лет стали лукавить в ответах на вопросы, касающиеся политической «повестки дня». Либо уходят от ответа, вследствие чего вдруг резко возросло количество затрудняющихся с ответами на самые, казалось бы, простые вопросы. Либо примыкают к мнению большинства.

Я думаю, что нужно искать какие-то новые подходы к анализу новой реальности. Это с одной стороны. С другой, если говорить самокритично, на протяжении последних лет вне поля внимания сообщества, в том числе и нас, остались ряд очень острых, актуальных тем жизни страны. Мы практически не отследили и концептуально не отрефлексировали переконфигурацию «путинского большинства», каким оно было, каким стало? Мы практически не отреагировали на концепт «русского мира», не разобрались, что он из себя представляет — очередную конъюнктурную мифологему или это некоторая реальность, требующая внимания и осмысления. Если это реальность, то какая? Мы не обсуждали тему, скажем так, нового позиционирования России в мире. Что означает резкая активизация и до некоторой степени радикализация действий России на международной арене. Возрождение империи? Или это просто некоторые шаги, которые делает руководство страны, чтобы как-то показать свои «мускулы» и т. д. Мы ничего этого, на самом деле, не обсуждали. И не только мы, но и многие наши коллеги.

Мы часто уходим в обсуждение общетеоретических, концептуальных вопросов. Может быть, ещё и потому, что как-то не хочется говорить о том, что творится вот за этими стенами. Но говорить всё равно придётся, в том числе и потому, что если мы хотим взаимодействовать с властью, то должны отвечать на те вопросы, которые власть интересуют. Кстати говоря, необходимость этого взаимодействия и его формы, это тоже проблема, требующая обсуждения. Далеко не все наши коллеги считают целесообразным и полезным общение академического сообщества с властями. Во всяком случае в том формате, который сложился в последние годы.

Что интересует власть — примерно ясно: повестка сегодняшнего дня и реакция общества на её действия, на процессы, которые получают неоднозначную трактовку. Поймите правильно: я не призываю превратиться в структуру, которая реагирует исключительно на повседневность. Для этого есть опросные службы ВЦИОМ, ФОМ, Левада-Центр. Наша специфика в другом. Мы должны как раз эту повседневность концептуализировать и объяснять, интерпретировать происходящие изменения и возможные их последствия. ВЦИОМ, ФОМ этого никогда делать не будут. Они показали, что 85% электората за Путина. А что из этого следует, может быть в этом таится какая-то скрытая угроза для общества — это не их дело. А вот это как раз наше дело — двигаться дальше в интерпретации этих процессов, этих явлений, тем более что возможностей для эмпирических

исследований на регулярной основе у нас хоть и немного, но все же есть благодаря гранту Российского научного фонда (РНФ). Сейчас идёт третья волна¹. И она нам дала просто колоссальные возможности для того, чтобы всё-таки разобраться, в каком обществе мы живём.

Последнее, что я хочу сказать: целый ряд исследований, которые мы проводили ранее, актуализировались в новых условиях. Например, в 2007 или 2008 году мы совместно с Л. М. Дробижевой провели большое исследование, посвящённое экстремизму и терроризму. Была использована интересная методика определения социально-психологических характеристик, которые в свою очередь позволяли выявить, определить типаж людей, склонных к радикальным формам реагирования на окружающую реальность. Их возможно выявить, поскольку есть целый ряд параметров, по которым изначальная склонность к радикальным шагам всё же просматривается. Мы посмотрели примерный потенциал таких групп, где они локализируются, в каких слоях и т. д. Поэтому к кое-чему мы могли бы вернуться уже в новых реалиях, каким-то образом попытаться исследовать не только общие тренды развития страны, но и то, как они преломляются в массовом сознании, моделировать поведение, социальные практики отдельных слоёв общества в разных жизненных ситуациях, разных социально-политических, экономических и других контекстах. Спасибо.

Адамьянц Тамара Завеновна
Доктор социологических наук, профессор

Добрый день, коллеги! Поздравляю всех с Днём социолога. И позвольте мне сегодня говорить о болевых для меня проблемах, которые я считаю важными и для всех социологов.

Первая проблема связана с востребованностью научных результатов наших исследований, которые порой имеют настолько новаторский характер, что позволяют принимать социально значимые решения, осуществлять новые действия в сфере управления, образования. Но создаётся впечатление, что наши результаты ложатся на полку и покрываются пылью. Мы и сами мы друг друга не читаем, и нас, по-моему, тоже не очень читают. Возникает огорчение: а кому всё это нужно? Ну, себе самому нужно, если позиционировать себя как учёного. Хочется верить, что для науки нужно. Но только где оно, это поле внимания к научному поиску, где тебя хотят выслушать? Приведу пример. В одном из проектов мы зафиксировали индикатор

¹ Проект РНФ № 14-28-00218 «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах».

торы, определяющие качество процессов самоорганизации и самоопределения в социуме. Если бы это была синергетика, об этом бы кричали очень громко и на всех перекрёстках. А мы что ни сделаем, что ни опубликуем, это как бы незаметно. К сожалению.

Вторая проблема, которая меня очень волнует, связана с отсутствием в российской социологической науке такого направления, как *социология коммуникаций*. Напомню, что современное общество сегодня называется информационным. В мире идут информационные войны, термин «двойные стандарты» стал привычным. Всё это — *коммуникация*, но в социологии нет такого направления!

Ещё аргументы. Все мы, вольно или невольно, погружены в информационную среду, она окружает людей, как вода в океане. По проблемам *коммуникации* проводятся конференции, а на тех конференциях, где заявлена другая тематика, практически всегда бывают секции по коммуникации. И на международных социологических конференциях такие секции есть. Вся наша жизнь — это коммуникация. Вот сейчас мы собрались и обсуждаем наши проблемы — это тоже коммуникация.

Коммуникация в том или ином аспекте — постоянный предмет обсуждения в СМИ. При этом качество анализа коммуникативных механизмов в материалах СМИ бывает просто блестящим, но социологов, к сожалению, на обсуждения особенностей коммуникационных процессов не приглашают или приглашают крайне редко, потому что у нас нет такого направления, а, значит, нет и специализированного научного подразделения, нет соответствующих исследований. И мне кажется, что это очень большая потеря.

Ещё аргументы. Во многих вузах гуманитарного профиля преподают такие дисциплины, как Социология коммуникаций или — Социальные коммуникации. Следовательно, нужны соответствующие учебники, причём от головного социологического института, то есть от ИС РАН. Известно, что свято место пусто не бывает, и это направление начинают поддерживать и развивать другие вузы и организации и, на мой взгляд, порой «изобретают велосипед».

Летом 2015 года один из институтов Высшей школы экономики организовал конференцию, которая называлась: «Наука о коммуникации как дисциплина и область знания в современном мире: диалог подходов». Иными словами, конференция взяла на себя функцию научной организации и координации российских преподавателей и исследователей в сфере коммуникации. Надо сказать, что эту конференцию спонсировала американская ассоциация коммуникативистики, и, очевидно, поэтому основное время пленарных выступлений было отдано представителям из других стран, время их выступлений и ответов на вопросы было не ограничено. Российскую науку на пленарном заседании представляли два направления: школа Щедровицкого и семиосоциопсихологическая концепция социальной коммуникации, разработанная в ИС РАН, и для этих выступлений время жёстко ограничивалось. Довольно красноречивый факт: в сборнике, который готовился по материалам конференции, тексты этих выступлений планировалось поместить под рубрикой: «От глобального к национальному». Иными словами, глобальное — это всё там, за рубежом, а национальное — это российская наука.

Почти переключка с высказыванием Б. Обамы о том, что Россия — это «всего лишь региональная держава». В семиосоциопсихологической концепции предметом анализа являются общие для всех людей особенности коммуникативных взаимодействий, ничего «местечкового» в ней нет. Поэтому я, как только увидела макет сборника, отказалась от публикации, отозвала свою статью, она будет опубликована в другом сборнике.

Третья проблема, которая меня волнует — это не всегда оправданное восхищение российских учёных перед концепциями, теориями и даже фантазиями, исходящими от зарубежных учёных. Вот, например, не так давно вышел сборник «Интерпретирующая личность», в числе авторов которого люди, которых я уважаю. Суть этой книги в том, что в мир должна прийти интерпретирующая личность. Через какое-то время мы наблюдали такую личность в массовых масштабах на украинском майдане. Социальная наука не должна поддерживать красивые декларации, не учитывающие возможные риски. Что же касается умения человека интерпретировать, то я считаю это замечательным качеством, если, конечно, он умеет понимать глубинные смыслы происходящих процессов. Сначала — понимать, а потом интерпретировать, но никак не наоборот. Спасибо за внимание.

Маркин Валерий Васильевич

Доктор социологических наук,

руководитель Центра региональной социологии и конфликтологии ИС РАН

Уважаемые коллеги, я хотел бы продолжить ту мысль, которую до меня высказывали мои коллеги, в частности, профессор Т. З. Адамьянц, о сочетании локального и глобального. Я полагаю, что в глобальное мы должны выходить, когда у нас есть какие-то результаты в локальном. Тогда мы будем интересны и в глобальном. Хотя, конечно, общие тенденции необходимо учитывать. Поскольку я представляю Центр региональной социологии и конфликтологии, то хотел бы несколько слов сказать о региональной социологии как социологии и как региона, так и социологии в регионах. Здесь мы работаем, что называется, в двух проекциях. С одной стороны, — в каком-то определённом разрезе социального пространства, с другой — мы работаем на определённой территории в определённом поле. В отличие от философов или юристов, для которых география не столь важна. Пожалуй, ближе к нам только экономисты, которые привязаны именно к земле, к самому эмпирическому полю конкретной территории.

В целом, если говорить о нашей отечественной социологии, то за последние тридцать лет она пережила, по крайней мере, два крупных этапа. Первый этап — относящийся к так называемым доперестроечным временам, к советской социологии. Это, конечно, признано «заводской соци-

ологией», которая скрепляла ту большую массу социологов и России, и Советского Союза в целом. К «заводской социологии» так или иначе примыкали социологии города и села. Потом наступил период политической социологии, в призме которой начал выстраиваться основной мейнстрим. А вот что нас сейчас объединяет с нашими региональными коллегами? Может быть, это парадоксально прозвучит, но нас объединяют региональные различия. Потому что из Москвы плохо видно регионы, а из региона плохо видно это огромное социальное пространство — самые разнообразные сообщества, действующие на территории 17,5 миллионов квадратных километров. Причём каждый регион настолько специфичен, настолько своеобразен, что можно уйти в анализ специфических проблем. Где же найти необходимый оптимум? На мой взгляд, он уже эмпирически проявляется в работе нашего института. Я знаю, что по целому ряду регионов наряду с общероссийской выборкой проводятся региональные выборки. И вот уже на этом фоне общероссийской идентификации можно найти и региональную идентичность, в том числе и этнорегиональную, и другие социокультурные, ментальные особенности, посмотреть, насколько они сочетаются. Думается, что основной путь именно этот. И то, что институт сейчас развивает филиалы, в которых сосредотачиваются определённые региональные социологические силы, это вселяет некоторую надежду. Спасибо за внимание.

Согомонов Александр Юрьевич

Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИС РАН

Уважаемые коллеги! Я хочу вернуться к тому центральному вопросу, который поднял М. Ф. Черныш, и обратить ваше внимание на то, что мы обсуждаем очень богатую в концептуальном смысле слова и, пожалуй, самую актуальную тему современной науки. Это тема универсализма того социального знания, которое мы «академическим» образом производим, и которое по идее должны предъявлять разным группам заинтересованной общественности.

Какое главное понятие в современном российском общественно-политическом дискурсе (по крайней мере, последних 10–15 лет) определяет вектор нашего интеллектуального и публичного движения? Это — тема суверенности, тема нашего социокультурного своеобразия, «особенности» пути. На всероссийском соборе, который проходил, буквально, на днях, была сформулирована (двадцать пять лет этого никому не удавалось, а теперь всё-таки была сформулирована!) и обнародована так называемая «национальная идея». Эта идея заключается в социальном монархизме. Утверждается также, что гражданское общество нам не нужно, но необходимо «солидарное общество». Нам не нужны правые и левые политические партии, нам необходима ведущая мобилизационная сила? И далее всё в таком духе. Всё это, мягко говоря, вызывает недоумение, если не сказать досаду на «бесцельно прожитые годы» реформ и трансформации российского общества. Колесо истории вновь загоняет нас в мышеловку беспочвенной особенности. А всякие попытки создать под это теоретический базис и придумать свой новояз вызывают улыбку.

Все, кто ещё хорошо помнят советские времена, не могут не вспомнить слова «особисты». Но тогда оно обозначало людей конкретной дисциплинарной профессии, а не стиль мышления. Современное же поколение культурно-идеологических элит это понятие воспринимает вполне нормально, как нейтральную характеристику некоторой искомой аутентичности, что как будто бы всегда хорошо и здорово. Державная Россия – это особизм исторический, самодержавная Россия – особизм государственный, и т. д. Но тут мы попадаем в логическую ловушку, ибо всякое социальное знание предполагает универсальность теории и методов, приложенных к эмпирическому разнообразию. Неужели наши социальные знания утрачивают сегодня свой резон именно в универсальности своих оснований?

В одной из своих последних книг Зигмунд Бауман в соавторстве с Карло Бордони¹ предлагают читателю очень интересный разворот обсуждаемой нами темы. Они сравнивают то, что происходит сейчас в мире с тем, что происходило в 1920–1930-е гг., в эпоху великой депрессии. И показывают, что при внешних схожих обстоятельствах и кажущейся сущностной близости, есть одно принципиальное отличие, что не позволяет нам отождествлять эти эпохи. В 1930-е гг. в западных обществах существовало глубокое доверие к государству, которое к нашим временам практически полностью «улетучилось». И, парадоксальным образом, это недоверие распространилось и на социальные науки, то есть отказ в универсальности социологического знания выступает имманентной чертой общего недоверия к государству. Должны ли мы при таком раскладе констатировать конец классической социологии? Думаю, что это будет, по меньшей мере, преждевременным мыслительным действием. Публичный характер социальной науки поддерживается, прежде всего, её универсалистской намеренностью и тональностью.

Вспомним в данной связи знаменитую кантовскую формулу разума (квинтэссенция модернистского рационализма), смысл которой крайне прост: ум человека индивидуального применения, но публичного присвоения. И здесь несложно понять нашу главную проблему. Когда я говорю «нашу», я имею в виду академическую социальную науку. У нас у всех по-прежнему всё хорошо получается в плане индивидуального применения научного ума, но с публичным присвоением результатов его деятельности всё – очень плохо. По-старинке нам хочется быть интересными и полезными для властей, как если бы мы тем самым её легитимизировали бы, равно как и легитимизировались сами. Но учитывая, что во всём мире за последние 20–30 лет мейнстрим социологии это социальная критика, мы не очень «удобно» вписываемся во властные ожидания. Но нет у нас опыта иного публичного присвоения знания. Увы.

¹ Речь идёт о книге: Bauman Z., Bordonni C. State of Crisis. Cambridge: Polity Press, 2014.

Критический станс современной социальной науки предполагает внутреннее и публичное оппонирование государству и официальной политике. Оно вполне естественно и логически вытекает из предназначения фундаментальной науки. В самом деле, ведь мало какие демократические выборы сегодня приводят к изменению политического курса. Спрашивается, для чего тогда нужен демократический инструмент смены власти и ротации элит, если он ничего в сфере политики не меняет? Но ведь существуют иные способы воздействия на политику, кроме как через выборы. И это, прежде всего, — через развитие публичной сферы. А в этом науке отведена первичная роль. Не случайно ведь в английском языке различают три понятия, каждое из которых мы переводим на русский язык словом «политика»: *policy*, *polity*, *politics*. У нас всё это политика, политика и ещё раз политика — безо всякой нюансировки. В то время как в англоязычных странах чётко различаются «публичная политика» от «конкурентной политики» и «специализированных политических сфер».

Так вот, публичная политика — это не присвоенная политическим истеблишментом сфера политического дискурса, где люди свободно участвуют в свободном обсуждении. Ибо нет сегодня другого способа влиять на реальную политику, кроме как через публичное обсуждение. Но на что люди могут опираться в дискуссиях? На собственные интересы, ценности, массовую информацию и, конечно же, на постоянно актуализируемое научное знание. На то социальное знание, которое производит современная социальная наука. И если во времена Рузвельта и Кейнса — а это прекрасный образец взаимной легитимации государственной власти и социальной науки — выход из состояния кризиса возможен был только при высоком доверии к государству, то сегодня нет ни крепкой связи государство-наука, ни фундаментального доверия к тому и другому.

Главная задача современной социологии, в том числе российской, чётко следовать принципам производства универсального и публичного знания. Но пока все пытаются идти своим особым путём, определить свою нишевую — культурную и знаниевую — идентичность мы, в конечном итоге, уходим от строительства тех мостов, которые делают нас всех на земле единой цивилизацией знания. У философа Мераба Мамардашвили была хорошая фраза: «Культур много, цивилизация одна». Что мы изучаем? Мы базируем свой язык и понятийный аппарат в одной цивилизации, но изучаем разные культуры. И если симбиоз двух подходов будет у нас получаться, тогда роль социологов как публичных консультантов и аналитиков всё-таки свершится. В противном случае, мы будем вязнуть в болоте бессмысленных лексических и паранаучных конструкций типа «социального монархизма» и ему подобных. Спасибо большое за внимание.

М. Ф. Черныш подвёл основные итоги состоявшегося форума.

Уважаемые коллеги! Особенность нашей сегодняшней формы дискуссии заключалась в том, что каждый имел право выдвинуть свою повестку дня. Так оно и случилось, каждый говорил о том, что у него «наболело». В этих повестках дня оказалось нечто общее. На мой взгляд, это общее свойственно всему полю социологии, всему тому, чем мы занимаемся. Видите, как остро встаёт в настоящее время

в социологии проблема отношения науки и государства. Почти все выступающие об этом говорили. Обсуждали невосприимчивость данных наших аналитических разработок. Другие говорят, наоборот, нас слышат, наши данные учитывают и даже слишком. А, может быть, не стоит так уж слишком к нам прислушиваться? Потому что это опасно для нас самих, для нашей собственной автономии. Если нас будут слишком хорошо слышать, то постепенно будут втягивать нас в поле принятия решений. А что мы там будем делать? А там мы будем обосновывать те концепты и те решения, те линии, которые будут нравиться власти. Но власть может заявить всё, что угодно. Она скажет: «Русский мир» — мы должны будем обосновать «Русский мир». Она скажет: «Мы часть глобального мира» и мы будем говорить на глобальном языке. Всё-таки, я думаю, мы должны быть, иметь свой аутопоэзис, своё собственное самоуправление, ценностное самоуправление, постулирование собственных ценностей и собственной повестки дня. Мы должны иметь право говорить о том, что мы сами считаем важным, а не только, что считает важным власть. И в этом смысле, конечно, то, о чём говорил сейчас А. Ю. Согомонов, тоже очень важно. Он предлагает социологам занять позицию власти по отношению к власти. Он сказал: «Мы должны разговаривать на языке универсалий, мы должны говорить. Вы говорите на языке особенном, вы — особисты, а мы — универсалисты». Вы — архаика, а мы — современность. Да, но получится ли разговаривать таким образом с властью? И что будет с социологией, если она вдруг заговорит с властью на языке власти? Вот это большой вопрос. Потому что социология уже сейчас находится в кризисных отношениях с властью.

А вторая тема, которая тоже постоянно звучала в выступлениях на форуме — это отношение социологии и общества. Как мы общаемся с обществом? Социология, замкнутая в академическом пространстве, и социология, выходящая в общество; как нам развить свой собственный язык, на котором мы будем говорить с обществом, и общество начнёт нас понимать? Тот самый интерпретирующий человек начнёт нас понимать вдруг неожиданно. А вдруг он не начнёт нас понимать? Одним словом, здесь тоже есть вопрос, потому что под влиянием многих тенденций общество начинает скептически относиться к тому, что есть социология. Оно требует конечного результата. Вы знаете, когда-то заводские социологи были очень популярны, потому что считалось, пришёл социолог на завод и сразу завод заработал так ловко, стал производить прекрасную продукцию высокого качества, и вообще всё наладилось. Ничего подобного не случилось, и люди стали относиться к заводским социологам скептически. Они просто стали частью заводской номенклатуры, не более того. Вот мы, станем ли мы частью вот этой самой номенклатуры, или всё-таки мы будем говорить на языке смыслов? Вот это наша главная проблема. Спасибо.

С заключительным словом выступил М. К. Горшков.

Уважаемые коллеги, будем завершать нашу первую, но, надеюсь, не последнюю «Свободную трибуну». По-моему, присутствующим понравился и жанр встречи, и тот дух, который царил в ходе обсуждения.

С момента появления термина «социология» прошло более 170 лет, и, наверное, все мы хорошо понимаем (по крайней мере, должны понимать), что нашей науке никогда не везло во взаимоотношениях с властью. Не везло в том смысле, что между ними никогда не было, нет и, скорее всего, не будет ни полного консенсуса, ни обоюдного доверия. Прежде всего по одной простой причине, что природа этих общественных явлений различна по сути своей. Власть заинтересована в одном, социология как наука – в другом. Их функции различаются и не совпадают друг с другом на 100%. Может быть, это даже и неплохо.

Есть ещё одна причина, по которой власти недолюбливают социологическую науку. Дело в том, что мы обладаем большой возможностью: основываясь на данных нашей исследовательской деятельности, действовать и обращаться к обществу напрямую, «через голову» властных структур. Ведь наша позиция есть положение между властью и обществом. И нередко она отличается от позиций других социальных наук.

Чем и почему? Дабы ответить на этот вопрос, приведу реальный жизненный пример. Некоторое время назад Институт социологии РАН провёл общероссийское исследование на тему «Бедные по-российски», в котором пытался понять, что они собой представляют и как живут в условиях пореформенного социума. По итогам проведённой исследовательской работы в одном из центральных отечественных СМИ – «Российской газете» – публикуется довольно объёмный, в формате целой полосы материал, содержащий анализ данных, по многим существенным позициям принципиально расходящихся с данными официальной статистики Росстата. Ну, скажите, пожалуйста, всем это понравится? Конечно, нет. Ведь публикуемой информацией, причём характеризующей ситуацию с российской бедностью не в лучшем свете, мы, к примеру, нарушаем отчётность государственных структур, ведающих вопросами социальной политики, которые рассчитывают бюджетные ассигнования, определяют масштабы, содержание и направленность адресной помощи по отношению к отдельным группам российской бедноты. И, разумеется, их «напрягаем».

Хорошо это или плохо? Думается, на самом деле, хорошо. Если ты работаешь во власти, то просто обязан понимать, что каждый день может принести тебе не только предсказуемую проблему, уже «запрограммированную» у тебя в голове, но и, образно выражаясь, проблему «внеплановую», подброшенную со стороны. Кем? Да хотя бы и социологами. И подобный режим взаимодействия между нами и властью – вполне естественный. В противном случае, наша научная работа была бы просто «социально бесполезной».

Есть и ещё один аспект, который тревожит и беспокоит. В последние 3–4 года возобладала концепция так называемого «полезного знания», согласно которой обществу важно и нужно знать о себе лишь то, что завтра или в ближайшей

перспективе способно принести ему практическую отдачу. И те, кто подобное знание производит, только и могут претендовать на поддержку, в том числе и поддержку финансовую. Остальные же – не столь «утилитарно ориентированные» – её не заслуживают.

И, действительно, сводить всё к рублю и им же всё измерять – проще и понятнее. Тем более, если перед нами стоит задача определить, во что вкладывать и вкладывать ли в принципе. Выделил N миллионов рублей, построил детский садик. Население довольно? Конечно, довольно. А как доказать полезность своей деятельности социологу, тем более представителю академической социологии?

Сегодня я ждал от выступавших и присутствовавших, что кто-нибудь скажет о различиях в восприятии и понимании разных социологий. Недавно я вернулся из рабочей поездки в Тюмень, где одна из очень серьёзных встреч с руководителями местных органов законодательной и исполнительной власти была посвящена наглядному (с использованием многочисленных примеров из практики проводимых нами изыскательских работ) объяснению того, как и почему следует обращаться к данным зондажно-оперативной социологии. В ходе мероприятия я задал уважаемой аудитории вопрос: «А нужна ли вам аналитическая социология, вскрывающая причинно-следственные связи и зависимости в тех областях и сферах, которыми вы ведаете и занимаетесь?». Ответом мне была... тишина в зале.

И мы с коллегой, профессором Маркиным В. В., начинаем объяснять и рассказывать, что же это за аналитическая социология, для чего она нужна и чем может быть полезна на уровне регионов. Как возможно подготовить грамотные и эффективные управленческие решения? Данные каких эмпирических исследований для этого использовать? Только зондажных, оперативных, действующих по схеме «событие – реакция – срез»? Интересна ли и значима ли получаемая таким образом информация? Разумеется, да. Однако одного интереса здесь недостаточно: ведь описанию, построенному на базе такого «среза», не хватает аналитической глубины и фундированности. Оказывается, в социологии есть и высший пилотаж, который именуется социологией аналитической, но, увы, знаком он в среде управленцев далеко не всем.

Вот и приходится делать вывод, что уровень социологической грамотности наших управленческих кадров пока что оставляет желать много лучшего. И это – проблема, которой всем нам, так или иначе, придётся заниматься, причём заниматься профессионально и ответственно. Да и молодое поколение социологов тому же научить, передав им тот опыт и навыки, которыми мы обладаем сегодня.

На этом позвольте завершить нашу сегодняшнюю встречу и ещё раз поблагодарить всех присутствующих на активное участие в ней.